

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ ВЛКСМ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИНЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—
НИНО И ТЕАТР.—ФИЗКУЛЬТУРА.—ШАХМАТЫ И ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 6/8, тел. 2-72-34.

Подписная плата: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—15 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 1

Я Н В А Р Ь

1928

В ЛЕНИНСКУЮ ПАРТИЮ!

На XV съезде ВКП (б) рабочий Иркутского округа т. Гульчин, приветствуя съезд, сказал:

«Товарищи, рабочие Иркутского округа в ответ на клевету оппозиции преподнесли партии 1.500 человек.

Пусть эти рабочие заменят тех, кто уходит из партии. Товарищи, завод наш за 10 лет восстановился и теперь стал хорошо работать. Мы работаем славно, так что всем довольны. Товарищи, молодежь вступает в партию; я — старик, и то иду в партию. Товарищи, я хочу на старости лет поработать на честь и благоденствие нашей страны и всех наших товарищей большевиков. Ура!»

В этих простых рабочих словах выражено то нерушимое доверие, которое питает рабочий класс СССР к Всесоюзной Коммунистической Партии (большевики). Этим доверием сильна ВКП. Этим доверием она победит.

«Со времени горестной утраты вождя мирового пролетариата В. И. Ленина прошло четыре года. На смерть вождя рабочий класс ответил ленинским призывом». Рабочий класс послал сотни лучших своих представителей, чтобы укрепить ряды партии без Ильича. Сейчас рабочий класс вновь дает «октябрьским призывом» знать, что его доверие к партии непоколебимо. Новая сотня тысяч рабочих вливается в ВКП. «Молодежь вступает в партию; я — старик, и то иду в партию».

Троцкистская оппозиция напрасно ставила свои западни и ловушки. Никакие приманки и громкие слова и обещания не смутили ряды рабочего класса СССР. Пусть эти рабочие заменят тех, кто уходит из партии».

Рабочий класс СССР знает о тех колоссальных достижениях, которые имеет страна по пути социалистического строительства в городе и деревне. Он сигнализирует пролетариату и угнетенным всего мира:

«Мы работаем так славно, так что всем довольны».

Но рабочий класс СССР, работающий рука об руку с крестьянством, не успокаивается на первых достижениях в строительстве социализма.

«Завод наш за 10 лет восстановился и теперь стал хорошо работать».

Завод восстановился, но мало еще заводов в СССР. Завод восстановился, но рабочий и крестьянин еще малограмотны, в деревне еще царит трехполье и слаб шум трактора. Надо строить новые заводы и прекратить зависимость в машинах от капиталистов. Надо перевести деревню на рельсы крупного коллективного хозяйства. Надо совершать культурную революцию — дать знания рабочему и крестьянину. Без этого нельзя построить социализм.

Надо продолжать с новыми силами работать «на честь и благоденствие нашей страны».

Молодой рабочий, вступивший в «октябрьский призыв» в ряды ВКП. На 20 января с. г. было подано рабочими свыше 115.000 заявлений о приеме в ВКП

ЖЕЛЕЗНЫЙ КАРЛ

И. ИПОЛИТ

МИЛЛИОНЫ людей слышали имя Либкнехта, тысячи знают его как вождя и борца, но немногие десятилетия знают Либкнехта — человека. Между тем это был настоящий человек, человек ленинской складки. Человек с большой буквы. Он должен стоять перед нашей молодежью живым примером, одним из тех согретых любовью идеалов, который выбирает себе юноша в пятнадцать лет, впервые ощутив себя взрослым.

15 января исполнилось 9 лет со дня предательского убийства темными геоманской буржуазии Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Пламенные борцы германского пролетариата — Карл и Роза будут постоянным примером молодых поколений всех народов.

отдаст его не ласкам жены и детей, а партийной, поглощающей целиком всего человека работе. Он организуется в центре военно-

го Берлина первомайскую демонстрацию 1916 года. Это первое большое — в нем участвовало до 10.000 человек — политическое выступление германского пролетариата во время войны.

* * *

Яркая темпераментность уживалась в характере Либкнехта с высокой дисциплинированностью.

«Я нахожусь в положении чижа в клетке, — писал он жене в сентябре 1917 г., — рыбы в аквариуме, охотничьего сокола на цепочке, словом — существа, которому, как ему ни хорошо, все же хочется на волю, на настоящую охоту, на борьбу». А уж куда как «хорошо» могло житься в немецкой тюрьме. Представьте борца, да еще с либкнехтовским темпераментом, да еще в такие дни, посаженного в тюремную клетку. В России с каждым днем развевается величайшая из революций, какие видел мир; в Германии то и дело вырываются из подполья языки революционного пламени.

Для своих писем у него особое исчисление:

«303-й день заключения — $\frac{1}{4.818}$ часть.

Завтра 10 месяцев».

«402-й день заключения, 674-й после ареста, остаток 966».

Не всякому дано выдержать подобную пытку, но Либкнехт не из тех, кто падает духом. Считающий дни и часы, проведенные в неволе, как школьник зачеркивая в календаре каждый прожитый день, он подчиняет себя строжайшей дисциплине. «Ежедневно от двух до трех раз проделываю гимнастические упражнения. К тому же я работаю стоя. Одним словом, забочусь о том, чтобы моя кровь циркулировала беспрерывно, чтобы нервы и жилы не ржавели, чтобы каждая калория питательных веществ была использована и попадала на надлежащее место. Таким образом, я выдержу, что бы меня ни ожидало».

Кроме всего, он шлет сапоги и клеит пакеты — по обязанности арестанта, подспира — для себя, и находит еще возможность работать для дела революции. Его письма, листовки и статьи для «Интернационала Молодежи», обманывая бдительность тюремных сторожей, пробираются к друзьям, на волю, и оттуда греют на весь белый свет.

* * *

Всей своей жизнью «железный Карл» учил нас ставить дело рабочего класса выше своего маленького, личного счастья.

Отпущенный после года солдатской лямки домой на побывку, получив отпуск на несколько дней, Либкнехт

Тов. СОБОЛЕВ — секретарь Ленинградского губкома ВЛКСМ. Избран кандидатом в члены ЦК ВКП.

Тов. ЧАПЛИН (слева) — ген. секретарь ЦК ВЛКСМ, избран кандидатом в члены ЦК ВКП. Тов. ШАЦКИН (справа) — ген. секретарь Исполкома НИИ, избран членом ЦК ВКП.

Комсомолы на XV съезде ВКП с тт. С. Ординником и Ф. Ионов.

Тов. МЕЛЬЧАКОВ — секретарь ЦК Комсомола Украины. Избран членом ЦК ВКП. Избран членом ЦК ВКП XIV съездом ВКП.

КОМСОМОЛ НА XV СЪЕЗДЕ ВКП

ХОТИ вопрос о работе комсомола и не был поставлен отдельно на XV съезде ВКП (б), — все же ряд важнейших вопросов о работе среди молодежи затрагивался на съезде.

В работе XV съезда участвовало много комсомольских работников, которые выступали по основным вопросам повестки дня съезда (т. Чаляев — по отчету ЦК ВКП, т. Мельчаков — по отчету ЦК ВКП, т. Шацкий — о работе Коминтерна, т. Соболев — о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства СССР). В своих выступлениях представители комсомола намечали пути участия комсомола в дальнейшей работе по социалистическому строительству.

Комсомол пришел на XV съезд ВКП с заявлением о полной поддержке в его рамках политической линии партии и ее ЦК. Комсомол заявил съезду, что комсомолы целиком против оппортунизма.

Подводя итог борьбе с бюрократизмом в госаппарате (по отчету ЦК ВКП), съезд принял необходимость привлечь комсомол к широкому участию в работе ЦКК-РНИ по переделке госаппарата. Комсомол должен выводить из молодежи новые кадры строителей, примерных работников госаппарата.

Большое значение имеет принятие съездом решения об усилении внимания культурному строительству. XV съезд указал на огромный роль комсомола, как инициатора и проводника новых начинаний по рационализации хозяйства, труда и быта. Одновременно съезд решил усилить с-х школы и техникумы рабочей молодежи, уменьшить безработицу молодежи, упорядочить проведение брони, политизировать зарплату молодежи.

При обсуждении вопроса о работе в деревне XV съезд дал указания о принятии мер по решительному проведению в жизнь всеобщего обязательного первоначального обучения, расширив всесеть сеть школ раннего типа для молодежи в деревне.

Комсомол в деревне несомненно вырос, но его роль еще не соответствует его величине, поэтому съезд принял необходимым всесельное усиление роли комсомола в деревне.

XV съезд ВКП в резолюции по отчету ЦК ВКП обратил внимание на необходимость усиления работы в комсомоле, среди рабочей молодежи вообще.

ЗА ФОТО В КОМСОМОЛЕ!

Приближаются десятилетие комсомола. На выставках, посвященных работе комсомола за 10 лет, будет вывешено много фото.

А много ли фотографий, — спросим мы, — сможет выставить Истмол, фотографии, которые отображали бы реально действительность комсомола? Таких фотографий, к нашему стыду, почти не будет.

Конечно, найдутся фотографии отдельных товарищей — группы комитетов, бюро, съездов, конференций, демонстраций. Но это не то. Фотографии, на которых двадцать-тридцать лет спустя можно глядеть на фотографии и думать: «приготовьтесь!», — ничего не говорят ни уму, ни сердцу.

Пора поставить во всей широте вопрос об организации дела фото в комсомоле. На ряду с вопросами мы должны иметь фотокорпус среди молодежи.

Надо прекратить считать заветно фото — барским занятием. Что из того, что раньше не было «кодаком» — гимназисты! Сейчас комсомол должен поставить и фото себе на службу. Работа комсомола, жизнь и быт молодежи должны фиксироваться на фотопластинке.

Воспользуемся же помещем в номер отдела «Комсомола в фото» редакция журнала «Смена» сделает свой почин и дело «фотографии» комсомола. Редакция «Смены» просят всех товарищей-читателей журнала, занимающихся фотографией, присылать ее фотографии, отражающие работу комсомола и жизнь и быт молодежи. Помещенные фотографии будут оплачиваться.

Одновременно редакция сообщает, что фото-конкурс № 1, объявленный в № 21 «Смены» за 1927 год, продолжен до 25 февраля, снимки можно присылать без приложения талона, указанного в условиях конкурса.

НА КОНКУРСАХ ГАРМОНИСТОВ

Закончился 2-й московский конкурс гармонистов. На фото (справа) — шкипер Нопылов исполняет на баяне творный марш Шопена, и т. Ионинский (внизу) на губной гармошке играет маэуру Венявского.

Вследствие неопытного противодействия со стороны пред'юрбю по устройству 2-го Моск. конкурса Л. М. Гурвич, редакция «Смены» не имеет возможности более полно осветить конкурс.

Тов. А. КОСАРЕВ — секретарь Московского Комитета ВЛКСМ. Избран членом ЦК ВКП.

К счастью, эта рана была не смертельна. Кости черепа оказались целы, но глубокое обморочное состояние больного наводило на мысль, не была ли смертельной обила контузия?

Не высказывая своих опасений матросам, я продолжал дальнейший осмотр их командира, при чем не мог не обратить внимание на брошившее мне в глаза значительное укорочение правой ноги.

Не найдя других поражений, которые требовали бы от меня быстрого вмешательства, я продезинфицировал все раны и стал ожидать, когда вскипит вода с хирургических инструментов.

Мой спокойный вид, моя неторопливость и хладнокровие порадовали и присутствующих. Матросы вышли из комнаты, и скоро со двора донеслись возбужденные возгласы остальных команды.

Через широкие окна виднелась огромная бухта, замыкавшаяся на западе обрывами Карадага¹.

— Товарищ доктор, вода вскипает! — услышал я за своей спиной почтительный, но настойчивый голос матроса, и я прекратил наблюдение залива, по которому в эту минуту промывала эсминцев под французским флагом, направляющийся в Феодосию.

Лыхание больного стало ровнее; внутригрудное кровоотечение уменьшилось, на щеках появился слабый румянец.

Первой фразой, которую произнес, наконец очнувшийся раненый и которую я трудом услышал мы, была:

— Петин, он жив? Почему мы здесь?

Петин, так оказывается звали моего проводника матроса, что-то хотел ответить больному, но раненый вновь закрыл глаза и погружился в тревожный сон.

Я и Петин вышли во двор, где стоял отряд матросов.

Я обратился к ним со словами надежды на скорое улучшение здоровья их командира, и по тому, как слушали мои слова моряки, понял, как много значил он для них.

Вечером в деревню приехали мои фургоны с санитарями и остальным персоналом...

Остаток вечера ушел на заботу о прибывших раненых и больных.

Через час после прихода транспорта все больные были мною осмотрены и накормлены.

Я обошел дачи, осмотрел заготовленную для раненых солому и отправился обратно к командиру.

У изголовья больного я застала молчаливо сидевших болгар и задумчивого Петина.

Больной стонал, в забытых конвульсивно сжимая пальцы, точно отмахиваясь от неодолевших мыслей.

Наклонившись к моему уху, Петин зашептал:

— Он — Труффин — для нас не только командир, но и первый друг... он ведь из нашего брата, из матросов...

Рассказы о фронте, связанные с именем Труффина, его кличка «хромой моряк», ореол героя и храбрца, окружавший командира своегоного отряда черноморских моряков, не могли не оказать влияния и на мое любопытство.

Приказав зажечь фонарь, так как становилось темно, я поставил свет у изголовья раненого и стал внимательно всматриваться в черты лица больного.

Черные волосы, ровный лоб, прямой с горбинкой нос, матовая кожа щек и всего тела говорили за то, что передо мной лежал представитель тех сложных расовых сплавов и гибридных² форм, которыми и до сих пор богато наше кавказское и крымское побережье. Это убеждение еще более укреплялось во мне при пристальном изучении его резко очерченного подбородка и овальных скула лица, в которых отражалась сила воли и природная развитость.

Ничего воинственного и грозного не было в небольшой фигуре тихо стоявшего моряка, и если бы не свидетельства его ближайших сподвижников, нельзя было подумать, что передо мной лежал знаменитый командир отряда, который в свое время спас сотни людей из объхвата денкинских войск и провел в бою всю кампанию.

Я взял за пульс раненого. Прикосновение ли моей руки или яркий свет фонаря, освещающий его лицо, заставили больного открыть глаза.

Как и в первый раз, он, правда, уже несколько окрепшим голосом, спросил:

— Петин, ты здесь?

Матрос быстро опустился на колени перед кроватью и вытянулся в вопросительном ожидании.

Отходя в сторону от них, я начал внимательно вслушиваться в бедулю, которую полупотопом вели эти два странные человека.

— Петин, где наши? — буждлая открытыми глазами по комнате, полусознательно продолжал допрашивать матрос Труффин...

— Присоединились к войскам начдива... После схватки под Султановкой ты был опасно ранен... мы перенесли тебя в эту деревню вместе с ранеными товарищами... я вынул доктора...

Лунная ночь сияла над морем, над притихшей деревней, над сопкообразными горами. С моря поднималась белая вуаль тумана и густой чадной покрывала долину.

Короткая по времени беседа, но непонятная мне по своему значению, для больного потребовала, однако, у него большого нервного напряжения, и раненый, обессиленный, впал в полудрабный.

Петин махнул рукой на топтавшихся у двери матросов, и те поспешно вышли из комнаты.

Я укоризненно взглянул на моряка и сделал ему знак пройти на террасу.

Тяжелый орудийный залп заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

Сквозь пелену тумана пробивались огненные вспышки, и, напрягая зрение, мы увидели силуэт судна, перкатым огнем стреляющего по направлению дороги, ведущей в Феодосию.

— Бум... м... м... — разорвалось еще как будто бы над нашим домом, и со стороны деревни жалобно задалая молчавшие до сих пор собаки.

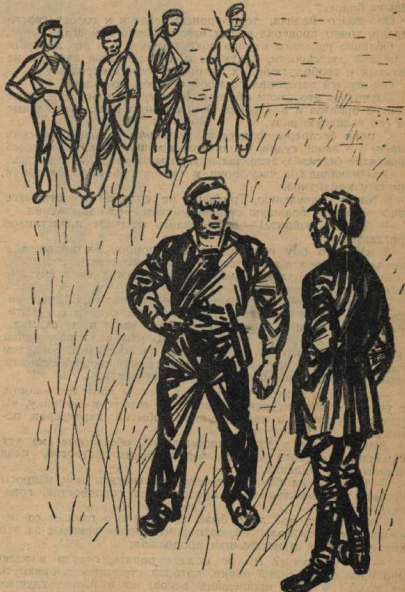
— Жарят по нашим! — точно сбросив с себя дремоту, наведенную ночью, замстил Петин и по своему обыкновению стал скупо кидать слова.

— Товарищ доктор... я и весь отряд уйдем под утро... дело военное... спасибо начдиву... помог спасти командира.

Петин, крепко взяв мою руку, продолжал:

— Спасибо и вам, доктор... если бы не вы, кто знает, что было бы с ним...

— Бум... м... м... — угрожающе послышалось в третий раз и повторилось ущельями гор.

... от отряда отделилась приземистая фигура, обещанная двойным патронеташем...

Туман значительно поредел, и мы ясно увидели французский эсминцев, ошупью пролазивший в бухту.

На далеком горизонте попеременно плавали ярко освещенные транспорты, увозящие остатки белых армий, а с востока из-за холмов, скрывавших бухту и город, доносились стоны паровой сирены.

¹ Древний вулкан на Феодосии.

² Гибрид — происшедший от скрещения двух пород или видов.

Я в свою очередь крепко пожал руку матроса:
— Вы, товарищ Петин, вернетесь к нам по окончании боя? — спросил я уходящего с террасы моряка.
Он качнул головой и, указывая в сторону города, ответил:
— Если останусь жив!

Войдя в комнату раненого, я услышал мерное дыхание. Больной спал сном всеисцеляющей молодости.

Перед глазами явился матрос. Эти рослые, сильные ребята с удивительной сердечностью, крепко пожали мне руку и, бросив прощальный взгляд на своего командира, скорым маршем направились к феоdosийскому тракту.

2. ТРУФФИН НАЧИНАЕТ РАССКАЗЫВАТЬ

Когда я вспоминаю последующие дни моего невольного пребывания в Коктебеле, с раненым командиром флотского отряда, с изгнанным французского эскадра, обстреливаемого перекрестным огнем дороги, с движущимися отрядами красных войск, мне кажется, что все это произошло не год, не два назад, а значительно раньше.

Передо мной оживали страницы прочитанных когда-то средневековых романов, и я видел и слышал правдивые слова про людей, наделенных отвагой, силой, храбростью, энтузиазмом, самоотверженным героизмом, подлостью.

Вот способствовало открытостью молодого командира безбоязненно матросов, прикованного ранением к постели и всем своим сердцем устремленного за пределы болгарской деревушки? Думаю, что простая человеческая потребность высказаться кому-нибудь все то, что годами камнем лежало на сердце.

Уже на второй день утром он почувствовал себя значительно bolje.

Он долго молчал, точно прислушивался к голосу своего сердца, точно проверял мысли взволнованного мозга.

Обаяние раненого моряка покоряло нас, и в его простоте и редкой душевности, я думаю, и лежала тайна влияния на воинов и свободлюбивых матросов боевых отрядов.

Он первый заговорил со мной о своем прошлом...

Случилось это таким образом. К вечеру того дня, после нашего приезда в Коктебель, я осматривал швы, наложенные на его головную рану.

С моря беспрерывно неслись жалобные стенания морских сирен, и в плаче судов, уходящих в ночной мрак, слышались проклятое бессилие, запоздалые угрозы, обманутые надежды...

В одиннадцатую часу ночи я слегка приоткрыл дверь в комнату командира.

К моему удивлению, Труффин не спал, а его открытое лицо выражало сильную степень умственного напряжения.

— Доктор, войдите! — посылалось обычное приветливое приглашение.

Думая, что ему необходима моя помощь, я подошел к постели раненого и внимательно обследовал повязки.

Большой благодарно улыбнулся и положил свои смуглые ладони на мою ладонь.

— Доктор, — обратился он ко мне с некоторой нерешительностью, — мне хотелось бы поговорить с вами о некоторых вещах, но я не решаюсь отнимать ваши часы отдыха...

Успокоив больного, я уверил его, что с удовольствием выслушаю все, что он найдет возможным сказать мне, тем более, добавив я, что рядом находится умирающий больной, около которого мне необходимо бдительство.

— Скажите, доктор, вы верите в законы наследственности, в учение о конституции человека, вы верите в египтянку, вы верите в атакан, в повторяемость событий, характеров, положений?

Эти вопросы в такой необычайной обстановке, из уст командира особого отряда черноморских матросов, меня чрезвычайно удивили.

— Я попросил бы вас, доктор, не считать мои вопросы пустым любопытством... — продолжал с горячностью говорить раненый.

Повидимому, мое лицо было до смешного глупым от неожиданных слов больного, потому что моряк впервые за эти дни улыбнулся и настойчиво продолжал:

— Вы удивлены? Вы не можете понять, откуда я знаю про идеи современной науки, которая стремится проникнуть не только в далекое прошлое, но и в наше будущее. В течение трех лет, в самой тяжелой фронтовой обстановке, я пересчитывал все, что могло притянуть мое внимание на цепью прошлых веков, и делал я это не ради пустого любопытства, а чтобы объяснить себе свои поступки, свои влечения, свою жизнь, свое отношение к внешним событиям, наконец, чтобы предупредить угрозу моему счастью...

Последние слова Труффина произнес с необыкновенным возбуждением, точно кто-то коснулся обозначенных изв его сердца и вызвал ответный крик от внезапной боли.

— ...Если бы я знал эти законы раньше, моя жизнь, может быть, не была бы источником одних страданий.

Я собирался уже возразить больному и сказать ему, что наука о наследственности и египтянке не сказала своего последнего слова, но он торопливо, точно боясь, что я откажусь слушать его дальнейшие мысли, вновь обратился ко мне:

— Выслушайте меня, доктор, и чистосердечно ответьте мне, не является ли подвиги достижениями многочисленных ученых, работающих над разрешением загадки наследственности, все, что вы от меня сейчас услышите... Клянусь вам моей честью и жизнью дорогих для меня людей, которые, может быть, в этот момент вызывают ко мне о помощи...

Голос Труффина несколько дрогнул.

— Клянусь вам в том, что вы не услышите от меня ни одного слова неправды...

Вот эти обстоятельства и этот разговор предшествовали нашей памятной для меня ночной беседе, происходившей под стонами и жалобным бредом умирающего красноармейца и вой ульпывавших в Турцию транспортов с армией белых.

3. «Я ХОЧУ УЙТИ В МОРЕ»

— Доктор, мне очень хотелось бы знать, не поражала ли вас своей угрюмой тоской эта земля кмирмийцев и скифов, когда вы впервые вступили в ее степи, в ее молчаливые предгорья? — этими словами начал свой рассказ Труффин и, не ожидая ответа, продолжал дальше:

— Это чувство необъяснимой грусти охватывает невольно всех, кто, заменив красную ногу, начинает объезжать безлюдные берега восточного Крыма, любоваться оранжевыми заливами, взбираться на безлесные холмы, на размытые линиями сопки.

В каждом вершке зашедшей земли — история. Здесь, как в огромном котле, плавившихся все народы, которые бы когда-либо известны миру, и здесь же рождались и умирали десятки разнородных культур, память о которых сохранили предания.

И куда бы вы ни пошли, где бы ни остановились ваш взор, вы всюду увидите следы веков и тысячелетий, всюду встретите развалины, курганы, выветривающиеся башни, неистощимые рыль и укрепления, остатки фонтанов и древних водопроводов.

Это историческое прошлое чувствуется везде — от каменистых обрывов морских берегов, притаивших когда-то в своих бухтах разбойничьи галеры заморских авантюристов до обособленного от пришлой массы коренного жителя.

И я был одним из отравленных ядом веков, одним из больных болезнью, которую наука еще не научилась определять.

Конечно, вам, как врачу, интересно знать, чем мог страдать человек, родившийся среди этой первобытной земли на берегу одного из многочисленных изумрудных заливов?

Доктор, я был глубоко несчастен! Я переживал трагедию молодости, приносившую мне часы унижения, часы мучительных страданий.

Я был калека!

Моя укороченная нога являлась источником не только физических мучений, но и причиной ужасной психической подавленности.

Но что вы подаете за жизнью?

Когда меня с насмешкой навод от судов и пароходов, куда я ходил предлагать свои услуги в качестве матроса или юнга, я вспыхивал необъяснимой злобой и загорался удвоенной истоскованностью.

Труффин на минуту умолк, молчал и я. Через дверь слышались стоны умирающего красноармейца...

— Мой отец был рыбак... — вышла глоток воды, продолжал свой рассказ мой собеседник, — и мы жили в Феодосии.

Этот город еще недавно, до начала великой войны, сохранил свою связь с бывшей метрополией — Генуей.

Эта связь сохранилась в характере построек, в названиях улиц. Когда вы войдете в эту бывшую столицу генуэзских колоний в Крыму, обратите внимание на мощные стены генуэзских башен обширного кремля — это памятники хищников — кондотьеров, приезжавших сюда из далекой Италии грабить берега восточного Крыма.

А пройдите по городу, и вы увидите не только седые башни — остатки бывшего величия, но и ряд других мелочей, которые напоминают вам римирские городки Соррентского залива. В этом сонном провинциальном городишке и до сих пор все дышит не вышедшей культурой генуэзцев, а среди жителей города вы встретите выдержанный тип итальянской красоты и нежные глаза венецианца! Тысячи нитей связывают его со средневековыми прошлым, и эти нити простирались до сравнительно нового времени. У меня были друзья с древней фамилией генуэзцев: Фракотти, Винчетти, Рудини,

Бианки, а мой дед рассказывал про великого Гарибальди, еще юной приплывавшего сюда с Лигурийского побережья. Все мои детские и юношеские годы я жил под влиянием рассказов соседей-матросов, лихих моряков, бороздивших моря и океаны, а в зимние вечера я жадно слушал своего отца, сохранившего много преданий из прошлого Крыма.

И помню, я часто уходил к стоявшим уже многие века башнями Климента, Констанца, Джулиана, садился под тень выветрившихся от времени стен и, глядя на голубой Феодосийский залив, забывал свое уродство.

Мне было двадцать лет, когда разгорелась великая война. Я был необыкновенно силен и ловок, безумно любил море и считался лихим рыбаком, несмотря на недостаток ноги; но так как я числился на учете калек, меня не взяли на фронт.

Мой старый отец, как и все Феодосийские рыбаки, которым запретили ловить рыбу, днями сидел дома за починкой сетей, а я работал на хлебном складе, отправлявшем в армию муку.

Мы жили впроголодь, погруженные каждый в свои мысли, и наши вечера не походили на дни моей юности, когда столетний дед, а за ним отец, рассказывали мне про старые годы, про романтику прошлого.

Влияние веков, волновавшее все мое существо, заставляло меня однажды, придя домой со службы, решительно зайти к отцу:

— Отец, я не могу так больше жить! Я решил уехать.

Старик поднял на меня острые глаза рыбака, вся жизнь которого прошла на море, и спокойно спросил:

— Куда?

Я махнул рукой по направлению гавани и, присев на скамью, сделал вид, что внимательно разглядываю куски фанеры, которые он прикреплял к сетям.

— Разве рыбакам разрешили ловить рыбу? — тем же спокойным голосом продолжал спрашивать меня отец и, кряхтя, проковылял к окну.

Он несколько минут внимательно разглядывал обширный горизонт морского залива. В порту под защитой волнореза стояли застрявшие с начала войны несколько судов, да дымялся двухтрубный крейсер, выбиравший якорь.

— Куда ты думаешь уйти? — спросил меня вторично старый рыбак, тщательно обшарив и небо и воду. — Я не вижу на море ни одной шхуны!

Отец подошел ко мне и положил свою закорючатую руку на плечо. Я вынес взор его немного воспаленных глаз и повторил:

— Я уйду в море!

Удивленный старик тяжело опустился на стул.

— Я уйду в море... я поступлю на случайную барку, что с ведома начальства плавают на свой риск между приморскими портами, наконец, я уеду в Севастополь и добровольцем поступлю во флот...

— Во флот? — удивился отец.

— Да... — горячо ответил ему я, — я буду сражаться с врагом, плавать по ночам у неприятельских берегов, брать призовые суда...

— Да ты что, — рассердился старик, — ты, может быть, болен?

Нет, я не болен! — еще громче закричал я, но сразу умолк.

Взор отца скользнул по моему лицу, остановился на моей укороченной ноге.

Невыносимое чувство собственного бессилия и отчаянной безысходности охватило меня в ту же минуту, как только я услышал грустный отцовский голос:

— Ты действительно нездоров... Ты бледен, глаза твои блестят, как у лихорадочных. Снеси эту сеть в сарай! Там на дне в лодке лежит бутылка деревянного масла с камфорой... Я разотру тебе ноги и спину, и к утру ты поправишься...

Покорный его заботливым словам, чувствуя действительно озноб по холодеющему телу, я, глубоко вздохнув и извадив сети на свои плечи, вышел во двор. Со двора, как на якорях, виднелась гавань с примыкавшей к ней портовой территории.

На судах, застывших войной и стоявших под защитой гранитного волнореза, не замечалось оживления. Палубы их были мертвы и пустыни, как была пустыня и вся огромная площадь портовой территории.

Война, тянувшаяся уже несколько лет, прекратила всякую жизнь обширного морского порта, а глупость начальствующих лиц, видевших везде и всюду шпионаж и измену, свела к нулю рыбную ловлю.

Я тоскливо глядел на голубое небо, на безмолвное море и бессознательно наблюдал за крейсером, продолжавшим поднимать якорь.

Его огромная труба беспрерывно выбрасывала клубы черного дыма, а быстрые движения команды на палубе крейсера,

пронзительный писк боцманских дудок указывали на успешность, с которой крейсер торопился выйти в море.

Послышалось отдаленное эхо оружейной выстрела. Полный отчаяния и тоски, взволнованный разговором с отцом, прихрамывая на свою злосчастную ногу, я направился в сарай, где стояла лодка, сети, весла, запасные паруса...

«... и увидел на море парусник, летевший поспешно в бухту.»

У меня было в то время такое утишенное состояние, что когда я прежде, чем войти в сарай, почему-то оглянулся на море, я не сразу заметил трехмачтовую шхуну, показавшуюся из-за мыса Ильи.

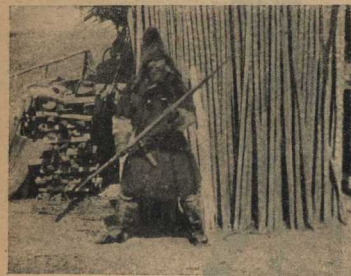
Выйдя из сарая, я увидел на море парусник, летевший поспешно в бухту, услышал вновь оружейный залп и заметил белое облако рувущейся шрапнели почти над мачтами незнакомого судна.

Шхуна неслась к берегу в полный бакштаг, имея ветер позади себя, а из-под ее кормы вылетали струйки черного дыма...

Вид трехмачтового судна, мчавшегося по зеленым волнам и отстреливавшегося с кормовой пушки, изменил направление моих мыслей, и я поспешил в гавань.

С моря все чаще слышались оружейные залпы, на которые отвечали батареи с мыса, и когда я прибежал к волно-резу, то увидел огромную толпу людей, разгоняемую войсками, в заливе трехмачтовое судно, не уменьшаемое своего бега, а на горизонте — силуэт турецко-германского крейсера.

(Продолжение следует)

РАЗВЕДЧИКИ СО

БЫЛАЯ НАТОРГА

I. ШАМАН ГОТОВИТСЯ К ВСТРЕЧЕ

КАК видите, он с копьем в руках, как воин, отгоняя невидимого врага, ходит вокруг своего священно-разрисованного шалаша (см. фото № 2). Живут очень старые боги, каждому из них по 50.000 лет. Никогда еще столь долгую жизнь они не ожидали встречи столь страшной!

II. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ЗА ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ЛЕТ

Торжественный момент запечатлен на этом снимке (см. фото № 3): встретились впервые за последние 50.000 лет старые-престарые боги шамана Зычи во главе с мохнатым Мишкой и — молодая советская власть.

На снимке все они в полном сборе. На гилыцком стойбище Кефи мы видим странную беседу. В центре кружка сидит исконный хозяин, бог этих мест, упомянутый выше Мишка, окруженный верноподданными гилыцкими во главе с пиманом Зычи. Возле шамана стоит очень высокий парень в белой рубашке и смеется над всеми богами. Это председатель райисполкома советов острова Сахалина.

III. САМАЯ МОЛОДАЯ В МИРЕ СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ

В 1925 году в мае месяце полномочная комиссия ВЦИК окончательно приняла северную русскую половину острова Сахалина от японской оккупационной армии. Образовалась советская власть.

Весь остров Сахалин занимает в длину 750 километров, при ширине от 75 до 200 километров. Советам принадлежит северная половина острова, около 480 километров.

За эти два года жизнь на острове стала неузнаваема. На месте бывшей каторги знаменитого сахалинского центра космополит расчищена площадка физкультуры. Во всех деревушках, где больше 15 дворов, открыты школы! В стойбище Виски — национальная школа для гилыков. Открыто 2 врачебных пункта. А бывшая каторжная церковь — ныне интернациональный клуб шахтеров: китайцев, корейцев, русских, японцев, гилыков.

IV. КЛАД ВЕЛИКОГО ОНЕАНА

Шестидесят лет тому назад тугусские охотники показали николаевскому купцу Иванову нефть, найденную ими в ямах на восточном берегу Сахалина. Но только в 1925 году в тайге вырос новый город Оха — город на нефти. Половину нефтеносных площадей Сахалина советское правительство отдало Японии в концессионную разработку. В отношении каменного угля Сахалин через 10 лет будет для тихоокеанских наших берегов тем же, чем Донецкий бассейн для Украины. Но этого мало. Охотский бассейн с Сахалинским лиманом (куда вливается гилыцкая река Амур) является одним из богатейших во всем мире рыбно-зверовых бассейнов. Здесь в сумасшедшем количестве водятся серебристая рыба гарбуша и кета и до поздней осени идут лососевые породы, а за ними морские хищники: нерпы, сивучи, китообразные белуги из семейства дельфинов и т. п.

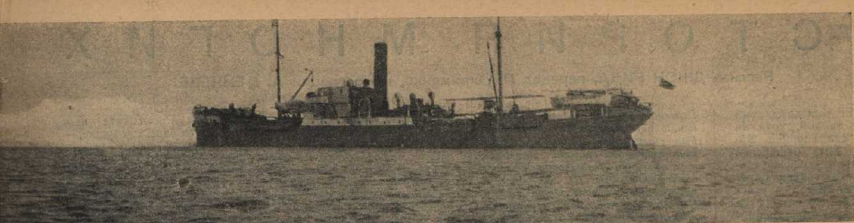
Почти на протяжении 213 км вдоль берега тянутся рыбачьи деревушки русских, гилыков, орочек и тугусов и... медведей, которых тоже держит в подчинении рыбная экономика. Сахалинский медведь рыбачит с большим искусством.

V. БЫВАЕТ, ЧТО И РЫБУ ДОЯТ

Секрет этого редкостного и удивительного снимка (см. фото № 4) в том, что китообразная белуха, улов которой особенно обильен на Сахалине, хотя и в море плавает, тем не менее не рыба вовсе, а морское млекопитающее, т. е. она выкармливает своих детенышей молоком.

фото 2, 3, 4 (сверху вниз)

ВЕТСКОЙ СУШИ

ОСТРОВ ПОГОДЫ И НОЧИ

I. ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ

Вы думаете — это иллюстрация к роману Жюль Верна (см. фото № 5), изображающая несчастный корабль, затертый льдами?.. Ничего подобного. Это советскому пароходу «Колыма» понадобилось по дороге обновить запас пресной воды. Вот он залез поглубже в ледяные горы и сосет из лужи.

Ого! Невольно хочется спросить, куда же его заведет такая «дорога»? Она уже завела его в прошлом году! Среди высоких ледяных хребтов, загромазжающих Северный Полярный океан, пароход пролез к большому острову. С борта сошли пятьдесят чукчей и двенадцать русских. Они были с интересом встречены на берегу собравшимися в большом числе белыми медведями и песчани...

II. РАЗ В ТРИ ГОДА ПО РАСПИСАНИЮ

И теперь раз в три года пароход «Колыма» будет отплывать от берегов материка и пробивать себе тропу по ледяным путям Ледовитого океана. Бели первый свой рейс он совершил в 1926 году, то следующий его рейс будет в 1929 году.

Но вот почему-то «Колыма» идет второй раз по той же ледяной тропе, не дожидаясь 1929 года — в 1927 г. (см. фото № 1). Что случилось?

В Сибири слушали: радио-голос, только недовою зазвучавший с острова, вдруг замолк. В ледяной пустыне восстановилось извечное, ненадолго нарушенное, белое безмолвие. И сибирская совласть решила проводить новоселов, а заводily выслать, нельзя ли с островной колонией завести более регулярное сообщение.

На этот раз «Колыма» только подлез два аэроплана до мыса Северного (см. фото № 6). Здесь кончились берега Сибири, и льды уже ботались по океану, как у себя дома. Летчики (Лухт и Кошелев) из «профсоюза хвостов» спустили своих «птиц» прямо на плавающие льдины и, вспорхнув, полетели... на север.

III. ЛЕТО В РАЗГАРЕ

Фотограф «стоял» на облаках, когда снимал эту картину (см. фото № 7). Был июль, солнце не сходило с неба уже второй месяц и рассчитывало, не мигая, прогулять над островом Врангеля еще недель 5—6...

Вот тут они и спустились!

IV. ОСТРОВ, КОТОРЫЙ ДЕЛАЕТ ПОГОДУ

Оказывается, остров Врангеля (а речь идет именно о нем) имеет очень важное место расположения: на основании метеорологических наблюдений, производимых на нем, предсказывается погода в Сибири. К радио-голосу острова прислушивается со вниманием весь мир.

Но пронеслась пурга, сломила и унесла в море антенну... И доктор-радиот метеоролог тштенно записывает свои наблюдения. Они станут известны миру через 2 года, когда го расписанию придет пароход и привезет новую антенну.

Молодежь острова и старики — два совершенно различных поколения: молодежь почти поголовно грамотна, знает о комсомоле, о том, зачем и как трудящиеся Советского Союза строят социализм, живо всем интересуется. А старики еще во власти предрассудков. Заведующий островом заметил однажды, что продающиеся в фактории сосиски стали раскупаться нарасхват. Оказалось что туземный бог очень любит оленьи кишки, а сосиски так похожи на них...

Сосиски стали приноситься в жертву Богу.

Когда самолеты отправились в обратный путь, был август. Солнце погрузилось в ледяные волны океана, чтобы уже не всплыть. На Врангеле наступала ночь, и женщины зачали ребенка.

Теперь девять месяцев они будут вынашивать его, и все это время одна единственная ночь будет проходить над островом!

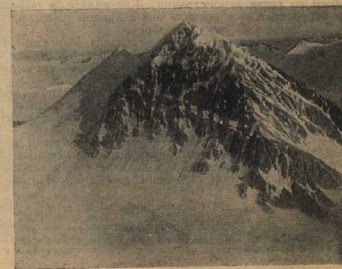
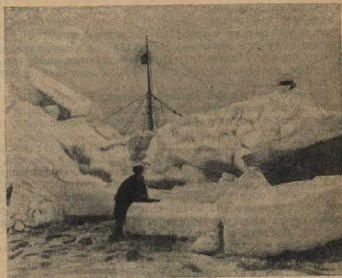
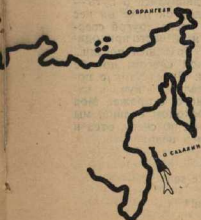

Фото 5, 6, 7 (сверху вниз)

ИСТОРИЯ МНОГИХ

Рассказ ДЖОН РИДА, перевод П. Охрименко, иллюстрации А. ДЕЙНЕКЕ

ВЕЧЕР был дождливый и теплый, хотя на дворе стоял ноябрь. Моросил тот парижский дождик, от которого как-то не чувствовался сырости. Мы сидели у углового столика на тер-се «Ротонды» — Фред, Марсель и я — и лишь дешёвое вино. По случаю войны все кафе закрывались ровно в восемь, и мы каждый вечер сидели в кафе до последней минуты.

В этом году все женщины, посещавшие «Ротонду», одевались одинаково. Маленькие круглые шляпки, коротко подстриженные волосы, блузки с глубоким декольте и длинные манжеты.

Марсель была точной копией других. Ее губы были ярко накрашены, щеки же смертельно бледны; она говорила непринужденным языком, когда теряла свое напускное величие, и сентиментализмала, когда сохраняла его.

Не знаю, как случилось, но Фред вдруг начал наизусть «Карманьолу». Я не обратил бы на это внимания, если бы не услышал, что кто-то подхватил мотив. Обернувшись, я увидел раненого французского офицера, который, свив руку с плеча своей соседки — Жанны, рассеянно смотрел на мою стовую и тихонько напевал «Карманьолу». Какие картины вставали перед взором этого юноши с тонкими, мягкими чертами лица, одетого в военную форму? Когда я взглянул на него, он вдруг спохватился, удивленно и с опаской посмотрел вокруг и быстро вышел, протискиваясь за собой Жанну.

Марсель грубо схватила Фреда за руку.

— Эта песня запрещена — через вас нас всех спацают! — сказала она, стиснув зубы, с таким страхом в глазах, что меня это необычно заинтересовало. — Да и вообще не стоит петь эти грязные песни. Это революционные песни. Их полет беднота, обрванцы...

— Значит, вы не революционерка? — спросил я.

— Я? Боже упаси меня! — горячо воскликнула она, качая головой. — Ничтожные негодяи, которые хотят испровергнуть все...

Говоря это, Марсель как-то все передернулась.

— Послушайте, Марсель, — обратился к ней Фред. — Неужели вы чувствуете себя несчастливой в нашем мире, как он есть? За что вы его можете любить — уж не за то ли, что он есть? Ведь — Фред со всем жаром бросился в кипящий поток пропаганды. — Когда придет революция, я знаю, по какуе сторону баррикады я буду стоять...

Марсель вдруг залилась громким, горьким смехом.

— Довольно, довольно, мой друг, — прервала она его. — Мне известны эти речи. Я слышала их, когда была еще вот такой маленькой, — показала она рукой.

Она сделала паузу, усмехнулась и затем сказала как-то нехотя, как бы выжимая из себя слова:

— Мой дедушка был расстрелян у стены на кладбище Пер-Лашез за то, что во время Коммуны шел с красным знаменем во главе демонстрации... Как видите, я родилась в семье обрванцев... закончила она с кривой улыбкой.

— Ваш дедушка! — вскричала Фред.

— Не будем говорить о нем, — сказала Марсель. — Пусть сумасбродный, глупый старик спокойно лежит в могиле. Я не люблю вспоминать о нем и не намерена ставить свечи за спящего его души.

Фред схватил ее за руку. Он находился в какой-то экзальтации.

— Да будет священна память о вашем дедушке! — воскликнул он.

С необыкновенным проникновением, свойственным ее профессии, Марсель поняла, что, в силу какой-то непонятной для нее причины, ее упоминание о дедушке похвалилось нам. Вместо ответа она тихим голосом задела из «Интернационала»:

„C'est la lutte finale“...

Помещаемый ниже рассказ принадлежит перу Джон Рид — автора исключительной книги „Десять дней, которые потрясли мир“. Джон Рид — американский коммунист; со всей пылкостью своей натуры он приветствовал события Октябрьской революции, во многих из которых он лично участвовал. Безвременная смерть вырвала его из лексикских рядов. Рассказ „История многих“, впервые публикующийся на русском языке, относится еще к юдам империалистической войны. В нем рассказывается история падения рабочей диктатуры, выполненной нуждою на бульваре Парижа, в то время как три поколения ее семьи были самоотверженными борцами за революцию.

— Расскажите нам еще о вашем дедушке, — попросил я.

— Да что о нем рассказывать! — сказала Марсель, смущаясь и в то же время улыбаясь, выражая удовольствие. — Это был какой-то сумасшедший, бог весть какого происхождения. Никто не помнил ни его отца, ни матери. Он работал

каменщиком и, говорят, хорошо знал свое ремесло. Но он больше просиживал за книгами, чем работал, и постоянно бастовал. Как какой-нибудь дикарь, он всегда кричал: «Долой правительство! Долой буржуазию!» Ему такую и кличку дали: «Дикарь». Я помню, отец рассказывал мне, как однажды солдаты ворвались в дом, чтобы взять дедушку. Мой отец, которому в то время было четырнадцать лет, спирал его под матрацом. Но солдаты начали колоть матрац штыками, пронзили ему плечо и обнаружили его. Тогда дедушка обратился к солдатам с речью — он всегда произносил речи, — чтобы они не расстреливали коммунаров... Но они, помешавшись над ним, повели его на расстрел...

Марсель громко рассмеялась: все это казалось ей очень забавным.

— Но мой отец, — продолжала она, — о, господи! — он был еще хуже. Я припоминаю всеобщую стачку на заводе Крезо...

Мы с Фредом зашевелились. Сидя на одном месте, мы немного озябли. Я постучал в окно и приказал подать коньяк.

— Ну, впрочем, стоит ли... Вы уже достаточно наслушались о моей жалкой семье, — сказала Марсель каким-то игривым голосом.

Продолжайте, — хрипло произнес Фред, глядя на нее горящими глазами.

— А угостите обедом? — вкрадливо спросила она.

Я кивнул головой.

— После того, как дедушка расстреляли, отец нигде не мог получить работы. Он голодал и вынужден был просить милостыню. Но всегда перед носом у него захлопывали дверь, говоря: «Не давайте ему, этому нечестивцу. Ведь это сын «Дикаря», которого расстреляли». И отец существовал тем, что проклевывался, как собака, в столовых и кафе и подбирал недоделанные корки хлеба на столах...

— Это меня кое-чему научило, — сказала Марсель, встряхивая своими короткими волосами. — Я стараюсь ладить с теми, кто меня кормит, и всегда говорю, что я из хорошей семьи. Иначе мне пришлось бы страдать за грехи моего отца, как он страдал за грехи своего.

Луч света осенил меня, и еще раз мне стала понятна причина падения человека. Это был ключ к душе Марсели — к ее слабости и развращенности. Не разврат искалечил ее душу, а невыносимый гнет, налагаемый на человека сильными мира, страшное наказание для тех, кто стремится к свободе.

— Я припоминаю, — продолжала Марсель, — что по окончании стачки на заводе Крезо хозяева постарались избавиться от рабочих, особенно показавших себя во время стачки. Моя зима, и в течение многих недель мы оттапливали шепками, которые мать собирала на огородах, а питались небольшими количествами хлеба и кофе, которые мы покупали из союза. Мне в ту пору не было еще четырех лет. Отец решил перебраться в Париж, и мы двинулись в путь — пешком. Я сидела у отца на плече, а в другой руке он нес большой сверток с разным тряпьем. Мать несла другой сверток. Она давно уже страдала от чахотки, и ей часто приходилось останавливаться, чтобы передохнуть. Брат шел позади... Мы шли по дороге, слегка припорошенной снегом; по обе стороны ее стояли высокие голые тополи. Двое суток с половиною... Когда наступала ночь, мы свалились в кучу в какой-нибудь заброшенной хижине дорожного сторожа. Моя мать ужасно кашляла всю ночь. Но с восходом солнца, мы снова пускались в путь; бодро шагая вперед по снегу, отец и брат выкрикивали революционные лозунги и песни:

„Dansons la Carmagnole
Vive le son — Vive le son.
Dansons la Carmagnole
Vive le son du canon!“

¹ Эта строчка из „Интернационала“ на французском языке: в переводе на русский язык она соответствует словам: „Это есть наш последний и решительный бой“.

Марсель бессознательно повысила голос, когда запела за прешеную песенку: ее щеки покраснелись, глаза горели, и она топала в такт ногам... Вдруг она остановилась и с испугом посмотрела вокруг. Однако, никто не обратил на нее внимания.

— У брата был тонкий голос, как у девочки, и когда он выкрикивал слова ненависти, как старый революционер, отец, глядя на него, вдруг раздражался громким смехом.

«Allons! Petit chemineau — ах, ты ж босчок! Клянусь честью, что тебе скоро придется познакомиться с полицией». При этом он добродушно хохотал его по плечу. Мать, слыша такие слова, бледнела и иногда по ночам вставала с постели, шла в угол, где спал брат, будила его и со слезами на глазах умоляла не слушать отца и быть хорошим... Но это было позже в Париже...

Они опять затягивали:

«Debout frères de misère!
Ne voulez plus de frontières
Pour egorger la bourgeoisie,
Et supprimer la tyrannie,
Il faut avoir de coeur
Et de l'énergie!».

(Вперед, товарищи, вперед!
Не знаем больше мы границ,
Чтоб победить буржуев гнет
И деспотизм повергнуть ниц,
Нам нужны смелые сердца
И твердость, твердость до конца!)

Отец, глядя вперед, сверкая глазами и маршировал, как солдат на параде. А мать смотрела на него и дрожала. Она знала, что опять будет стачка, схватка с полицией, и страшно боялась...

Марсель вздрогнула и выпнула свой коньяк одним залпом.

— Я ничего еще не понимала, пока мы не переехали в Париж, — продолжала она. — Здесь я начала подрастать. Первое впечатление моего детства — это, когда отец пришел однажды домой с перебитой рукой. Он принимал участие в крупной стачке рабочих угольного склада Тириона на бульваре де-Мен, и полиция перебила ему руку. После этого отец не успевал поступить на работу, как уже бастовал, и так было все время: работа — стачка, работа — стачка. Мы жили впроголодь, мать худела с каждым днем. Вскоре она умерла.

Отец женился во второй раз. Жена его была религиозная женщина, часто ходила в церковь и молилась за душу отца — она прекрасно знала, как он ненавидел бога.

Когда он вечером возвращался домой с собраний своего союза, происходивших каждую неделю, его глаза горели, как звезды, и, проходя по улицам, он во всю глотку изрыгал богохульства. Это был ужасный человек. Он всегда был во главе всякого беспорядка. Я припоминаю его участие в демонстрации на Монмартре. Демонстрация состоялась перед огромным белым храмом, стоящим на вершине горы, откуда открывается вид на Париж. Вы знаете статую канальера де-ла-Бар-у подножия этой горы? Это статуя одного юноши, который когда-то, в давние времена, отказался снять шляпу перед религиозным шествием; священник перебил ему руку крестом, который несли верующие, и затем он был сожжен по

указу инквизиции. Он стоит с гордо поднятой головой, закованный в цепи, перебитая рука висит сбоку... Ну, вот. Рабочие устроили демонстрацию против церкви или что-то в этом роде — точно не знаю. Многие говорили речи. Отец стоял на церковной папери, когда показались юре. Отец закричал громовым голосом:

«Долой попов! Эти свиньи сожгли его живьем!» — указал он на статую... На фонарный столб попал! Повесьте его, повесьте!»

С ужасным ревом толпа ринулась к папери... Но в эту минуту полиция дада залп из револьверов...

Отец пришел вечером домой весь в крови. Он насилию дошел. Мачеха встретила его на пороге и сердито спросила:

«Где ты был, несчастный?»

«На демонстрации — что?» — заревел он.

«Так тебе и надо», — сказала она. — Надеюсь, тебя теперь выльчат!»

«Выльчат!» — заорал он, раскрыв окровавленный рот, в котором не досчитывалось нескольких зубов. — Только до следующего раза!»

И верно. Во время казни Лебефа кирасиры врезались в рабочую демонстрацию, и отец, раненый саблей в голову, был увнесен своими товарищами. —

Марсель нагнулась через стол и прикурила у кого-то из соседей.

— Он был очень суровый человек... Его прозвали «Casse-tête» («Головорез»)... А как ненавидел правительство!.. Однажды, придя домой из школы, я рассказала, что нас учили петь «Марсельезу».

«Если я услышу когда-нибудь, что ты поешь эту подлую песню, — закричал он, поднося кулак к моему носу, — я сверну тебе шею!» —

Я ясно представил себе, как этот грубый старик войка, закованный в бока с полицией, украшенный многочисленными шрамами, возвращается вечером домой по тесным, грязным переулкам, после собраний своего союза; его мозг горит мечтой о будущей жизни обновленного человечества.

— А ваш брат? — спросил Фред.

— Ах, он был еще хуже отца, — сказала Марсель со смехом: «С отцом можно было говорить по-человечески, а с братом...»

Еще мальчиком он показал себя. Он, например, говорит мне:

«После школы приходи к такой-то или такой-то церкви. Там мы встретимся. Я хочу помолиться». Я встречаю его на папери, мы вместе идем в церковь и становимся на колени. Когда я начинаю молиться, он вдруг вскакивает и с ужасным криком бежит по церкви, опрокидывает стулья, тушит и сбивает на пол горящие свечи... А когда он встречал юре на улице, он забывал, куда ему надо идти, шел за ним и кричал: «à bas les calottes! à bas les calottes!» («Долой камулявки! Долой камулявки!»). Двадцать раз его арестовывали и сажали в исправительный дом. Но он всегда убежал. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, он убежал из дома и целый год пропал где-то. Затем однажды он неожиданно появился у нас на кухне, где мы всегда завтракали.

«Доброе утро, — сказал он, как будто никуда и не уходил. — Холодно сегодня, не правда ли?»

Мачеха вскрикнула от изумления.

«Мне хотелось побывать везде — посмотреть свет, — продолжал он. — А вернулся я потому, что очутился без денег и порядком наголодался».

... и полиция перебила ему руку...

Отец не стал бранить его, и он остался дома. Однажды утром он опять пришел, но не сказав никому ни слова. Через три месяца вернулся, обворованный и худой. Мачеха сказала отцу, что он должен заставить мальчика работать. Но отец только рассмеялся.

«Оставь его в покое!» — сказал он. — Он знает, что делает. Из него выйдет хороший боец».

Брат то уходил из дому, то возвращался, пока ему не исполнилось восемнадцать лет. В последнее время он подолгу работал в Париже. Скопив немного денег, он начал бродяжничать. Наконец, он нашел постоянное место на заводе и вскоре женился...

У него был прекрасный голос. Он мог заставить слушать его с напряженным вниманием, когда он пел революционные песни. Вечером, вернувшись с завода, он повывал шее красным шарфом и шел в мюзик-холл или кабаре. Когда на сцене пела какая-нибудь песенку, он вдруг, заглушая голос певицы, загибал: «Са га!» или «Интернационал». Певец останавливался, а зрители поворачивали головы и смотрели на брата, сидевшего где-нибудь на галерее.

Копилка пела, он кричал: «Ну, как вам нравится это?». Зрители криками выражают свою радость и аплодируют ему. Тогда он говорит: «Повторяйте за мной! Долой капитализм! Долой полицию! На фонарный столб повою!» Одни приветствуют его, другие свистят. «Кто это там свистит? — спрашивает он. — Пусть подождет меня у входа — я его покажу!». По выходе из театра он вступал в рукопашную с разъяренной бандой человек вдесять-пятнадцать и дрался с ними, пока не вмешивалась полиция...

Он всегда был по голове всякой стащи так же, как и отец, и он был такой веселый и внимательный к своим товарищам, что все его любил... Он мог бы быть со временем избран в парламент, если бы отец с молодых лет не научил его с презрением относиться к закону...

— А где он теперь? — спросил Фред.
— Где-то там... В траншеях, — сказала Марсель, махнув рукою на восток. — Когда началась война, ему пришлось идти вместе с другими, хотя он страшно ненавидел войну. На восточной службе он был таким же, как и в жизни. Его никак не могли приучить к повиновению. Почти целый год он просидел в тюрьме. Затем вдруг решил добиться повышения и через какую-нибудь месяц уже был назначен капитаном, такой он был умен... Но в первый же день своей новой службы он отказался командовать солдатами...

«Почему я должен приказывать своим товарищам? — кричал он. — Мне говорят, чтоб я послал их копать траншеи. Что они там рабы?»

Жизнь его сразу разжаловали. Тогда он обратился к солдатам с речью, призывая их перестрелять офицеров и поднять восстание. Но солдаты были настолько заражены повиновением, что схватили его и переселили через каменную стену. О, как он ненавидел войну! А теперь он должен идти убивать «бошей», как и все. Не знаю, может быть, он уже давно убит... А дома у него остался пятилетний сынишка...

Три поколения суровых, неутомимых борцов за смутную мечту о свободе. И теперь четвертое — еще в колыбели! Знали ли они, за что боролись? Не важно. Это было врожденное чувство, инстинкт, заложенный в человеке, который никакой силой, никакой довод не могли победить.

— А как вы, Марсель? — спросил я.
— Я — засмеялась она. — Нужно ли говорить вам, что я никогда никаким героизмом не была соблазнена. (Марсель распространяла среди знакомых такую легенду о себе). Но я боюсь, что вы тогда перестанете относиться ко мне с уважением, потому что вы, друзья на час, любите, чтобы ваша зава была приправлена романтикой. В моей жизни не было романтики. Живя в нищенской обстановке, я всегда тосковала по радости, счастливой жизни... Мне всегда хотелось смеяться, веселиться — с самого детства. Я любила мечтать о том, как я пью шампанское, хожу по театрам; что у меня прекрасные платья, ожерелья, собственный автомобиль. Отец, когда я еще была подростком, подметил мои вкусы и однажды сказал мне:

«Я вижу, что ты хочешь отказаться от нашей жизни и продать себя богатым. Но знай — за первый же твой проступок я выгоню тебя из дому и откажусь признавать своей дочерью».

Жизнь дома стала невыносима. Отец стал следить за мной и говорил, что я стою на скользком пути. Отец хотел поскорее выдать меня замуж. Однажды, придя домой, он сообщил, что нашел мне жениха — бедного, хилого молодого человека — сан-трактира. Я знала его; он был не плохой, но мысль о замужестве мне была невыносима. Мне хотелось быть свободной...

— Свободной! — удивленно воскликнули мы, Фред и я. — А разве не за это ваш отец боролся всю жизнь?

— Ночью того же дня, — продолжала Марсель, — я встала с постели, надела свое праздничное платье, поверг его наизусть рабочий костюм и бежала из дому. Всю ночь я ходила по улицам и весь следующий день. Под вечер я направилась к заводу, где работал мой брат, и с волнением начала поджидать его. Я не знала — выдст он меня отцу или нет. Вскоре с песнями и громкими криками показался брат со своими товарищами. Он сразу заметил меня.

«Здорово, сестрица! — крикнул он, беря меня за руку выше локтя. — Ты чего здесь? Что-нибудь несладко дома?»

«Я сказала ему, что бежала из дому. Он отступил немного назад и удивленно посмотрел на меня.

«Ты, наверно, голодная, — сказал он. — Идем ко мне. Познакомимся с женой. Она тебя поразится. Вместе пообедаем».

Я пошла с ним. Жена его оказалась чудесной женщиной. Она встретила меня с распростертыми объятиями. Они показали мне своего ребенка, которому было всего месяц, но он был такой толстый! Они не стали спрашивать меня ни о чем, пока я не пообедала. Потом брат закурил папироску, а другую предложил мне. Я боялась курить — мачеха говорила мне, что это вредно для женщины. Но жена его улыбнулась и сама взяла папиросу.

«Ну, хорошо, — сказал брат. — Какие же у тебя планы?»

«Пока нет никаких», — отвечала я. — Я хочу быть свободной. Хочу веселиться, хочу иметь хорошие платья. Хочу ходить по театрам, пить шампанское».

Жена брата покачала головой.

«Я не знаю такой работы, за которую женщина могла бы получить все это», — сказала она.

«А ты думаешь, я хочу работать? — воскликнула я. — Ты думаешь, я стану потеть на фабрике за деньги франков в неделю или чихнуть где-нибудь в мастерской мод? Думаешь, я позволю кому бы то ни было командовать мной?»

Брат долго смотрел на меня серьезным взглядом, затем сказал: «Во всех нас — одна кровь. Бесполое спорить с тобой или принуждать тебя. Каждый человек имеет право сам направлять свою жизнь. Можешь идти куда тебе хочется и делать, что тебе хочется. Но когда тебя постигнет несчастье, когда ты будешь голодна, покинута или разочарована в жизни — ты всегда найдешь в моем доме радужный прием».

Марсель вытерла мокрые глаза рукой.

— Я заночевала у них, а на другой день пошла бродить по городу, заходила в кафе — как и теперь — и спрашивала совета у женщин. Они советовали мне найти работу; только так можно было завести постоянного любовника. Я нанялась на месяц в универсальный магазин. Вскоре у меня уже был любовник — артистический, который возил меня по театрам и дарил дорогие платья. Никогда я не чувствовала себя такой счастливой!

Во время наци Лобена кириры реалезис в рабочую демонстрацию...

Как-то вечером, когда мы ехали в театр, нам пришлось проезжать мимо дома, в котором жил брат. Мне вдруг пришло в голову зайти к нему и сказать, как хорошо я устроилась. На мне было чудесное голубое платье, туфли с тонкими, высокими каблукчиками, с пряжками, усеянными бриллиантами, белые перчатки, шляпа с огромными полями, украшенная черным страусиным пером, и вуаль. К счастью, вуаль была слущена: когда я подошла к дому, где жил брат, у двери стоял мой отец. Он взглянул на меня. Я остановилась. Сердце мое замерло. Но я увидела по нему, что он не узнал меня. «Va t'en! — закричал он. — Чего нужно вашему отродью в доме рабочего? Зачем пришли сюда? Оскорблять нас своими шелками и перьями, выжатыми из пота рабочих, изнывающих на фабриках, их чахоточных жен и умирающих от голода детей? Уходи вон отсюда, потаскуха!»

Я была напугана до смерти. Я боялась, что он узнает меня!

Мне пришлось видеть отца еще только раз. Мой любовник бросил меня. У меня были другие любовники... Брат с женой переселились жить в тот квартал, где жил отец. Я никогда заходила к ним поспать и поиграть с ребенком. Это были счастливые моменты. Иногда я оставалась у них ночевать, но уходила еще до рассвета, чтобы не встретиться с отцом.

Однажды, выйдя от брата на рассвете, я увидела отца. Он шел на работу с узелком в руках. Мне ничего не оставалось, как идти в ту сторону, куда шел он, чтобы он не видел моего лица. Было около пяти утра — на улицах только изредка встречались прохожие. Вскоре я заметила, что он прибавил шагу. Потом он окликнул меня:

«Мадемуазель, подождите! Ведь нам по дороге, а?»

Я пошла быстрее.
«Я подождите же, мадемуазель. Вы очень красивы. И я еще не старик. Неужели мы не найдем куда зайти?»

..Да подождите же, мадемуазель. Вы очень красивы...»

Со мной творилось что-то ужасное. Я не осмеливалась свернуть куда-нибудь в переулок, чтобы он не увидел меня в профиль. Я шла все вперед и вперед, многие мили, многие часы... Я не видела, когда он отстал... Я не знаю, жила ли он теперь... или нет... Брат говорил, что он никогда не вспоминал обо мне...»

Марсель кончила свой рассказ. Шум улицы прервал нас в уши, которые так долго были глухи ко всему окружающему. Фред находился в ужасном волнении.

— Чудесно! — воскликнул он, ударя кулаком по столу. — Это необыкновенный рассказ!.. Та же кровь, тот же дух! Но с каждым поколением взгляды становятся шире, благороднее... Сын понимал уже свободу совсем по-другому, чем его отец...

Марсель удивленно подняла на него глаза.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она.

— Ваш отец, всю жизнь борющийся за свободу, выгнав вас из дому только потому, что вы хотели своей свободы.

— Да, — сказала Марсель. — Но разве вы не понимаете, что я была не права? Я была дурной девушкой. Если бы у меня была такая дочь, я тоже прогнала бы ее...

— Я же говорю вам — отец ваш хотел свободы для мужчины, но не для женщины, — сказал Фред.

— Естественно, — пожалала она плечами. — Мужчина и женщина совершенно разные существа. Отец был прав. Женщина должна быть благоразумной.

— Как видно, нужно еще одно поколение женщин! — печально вздохнула Фред.

Я взял Марсель за руку.

— А вы жалуете о своей жизни? — спросил я.

— Жалеть о своей жизни? — бросила она в ответ, гордо тряхнув головой. — Нисколько. Я свободна.

ВЕЧЕР

Стихотворение Л. Арзамельского (Брянского).

С чеканной звездной пleyдой,
Закату протрубив отбой
Лунной — изогнутой трубой —
Приглас на зданья и ограды
Морозный вечер голубой.

И комсомолкой синееюй,
Блестя луиностью лица,

Взбегал не он ли юным скоком
На камень клубного крыльца?

Горящий сноп упал из окон
На снег, а мне замнилось вдруг,
Что это — волосы потоком
Она метнула, бросив локоном
И взгляд из-под точеных дуг.

И вот — сильнее комсомольца
Стеклом приветливых дверей
Позвала стройка нови — солнце! —
К страницам — крыльям лебедей,

Чтоб бился зрелых мыслей пламень —
Лист золотой — в моих глазах...
Хочу я сверенно руками
Крепить испытанные камни
На строящихся корпусах.

ЧИТАЙТЕ В ВЫХОДЯЩЕМ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ

* * * № 2 журнала „СМЕНА“ * * *

И. САРКИЗОВ-СЕРАЗИНИ — „ПОТОМОК ВЕНЕЦИАНСКОГО ДОЖА“ (продолжение большого романа приключений).
ЭДИССОН МАРШАЛЛ — „СЛОН ПОМНИТ“ (повесть). С. СЕРГЕЛЬ — „ПЕШКОМ ПО ТУРКЕСТАНУ“ (путевые очерки). В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ.

ЧЕЛОВЕК СО ЗНАМЕНЕМ

Очерк А. КАРЦЕВА

НОЧЬ проходила спокойно.

Еще с вечера стачечный комитет официально объявил забастовку на шахтах фирмы «Бергшадт». И стало тихо. В непривычной темноте робко переключались рабочие пикеты перед темными входами шахт.

Только в долине глухо гудела золотая паутина огня электрической станции, да по шоссе, ведомому от соседнего Альтенбурга прямо к главной конторе дирекции, огромными серыми тенями проносились автомобили.

На самой окраине поселка, в квартире Ганса Клебера, собрался стачечный комитет.

Над круглым деревянным столом спускался с потолка единственная электрическая лампа, яркий ее свет резко вычерчивал глубокие морщины на темных лицах углекопов.

Коротко и редко перебрасываясь обрывками фраз, углекопы в десятый раз пересматривали списки рабочих.

Послевоенная Германия — Германия Шейдеманов и Гинденбургов — кипит напряженной борьбой труда и капитала. В очерке А. Карцева на основе действительных фактов изображается один из эпизодов этой борьбы. Представимое убийство на-за-ула — испытательный способ междоусобицы предателей (вспомни убийство Либкехста и Люксембург, покушения на В. И. Ленина) — фигурирует и в этом эпизоде, рассказывающем о молодом интуисте-шахтере.

Ганс молчал, опустив голову на большие тяжелые руки. По широким плечам, мерно поднимавшимся под старой заштопанной бузрой, казалось, что он спит.

Часы, хрипя, пробили четыре. Старый Леман устало отодвинул от себя по столу длинные листы исписанной бумаги и сказал, глядя в сторону:

— Такого полугодного пайка хватит, товарищи, только на три недели.

Только теперь Ганс поднял голову. Отглядел хмурые лица. И голос его был, как всегда, сух и спокоен:

— Мы должны держаться до победы... Вы знаете сами — скоро «они» не сдадутся... Значит, надо держаться. Вот и все. Как председатель стачечного комитета, я заявил вчера директору, что мы сможем бастовать полгода, но тебе, друг Леман, и вам, товарищи, я скажу: не шесть, а хоть два месяца. Но главное — до победы.

Шахтеры молчали. Печально качалась, словно в такт его словам, лысая голова Лемана, и только больной Крапц, одиноко сторбнивший из угла, возбужденно и раздражаясь от звуков собственного голоса, упрекал Ганса за беспечность его заявления:

— Ты говоришь — полгода... Можно также сказать — год, но что ты сделаешь для этого? Мы считаем четыре часа и видим, что бороться можно только три недели, а кто гарантирует нам твои два месяца и победу?

И опять, заглушая хачоточный кашель Крапца, коротко и твердо прозвучал голос Ганса:

— До победы. Слово Ганса Клебера! Он стоял теперь во весь рост, почти касаясь темной курчавой головой потолка.

...Мутно-серый рассвет тонкой пеленой окутывал бледное уже пятно электрической лампы...

Забастовка средне-германских углекопов охватила все рудники Альтенбургского округа. Каждое утро молчаливые вереницы горячак тянулись к поселковым лавкам кооперативов и потом, такие медленно и безмолвно, шли по домам в холодном осеннем тумане, на ходу откусывая теплый еще черный хлеб.

Скуппо и скудно были рассчитаны ежедневные пайки бастующих. Угрюмая тишина лежала на улицах, давно перестали звенеть веселыми голосами широкие окна разбитого ферриша. Вечерами глухо гудел он — шли собрания горячак до одной, до другой шахты.

Ни одного штрейкбрехера не привлекали во всем округе широковетельные плакаты дирекции. Четыре дня, без сна и отдыха, обвезал Ганс Клебер окрестные деревни. Стоя на скрипучей повозке, бросал он в толпу батраков и фермеров простые, горячие слова:

И когда за шатающимся деревни в последний раз мелькала узкозвизная Ганса телега, долго еще звенели ему вслед одобряющие голоса.

А на другой день тянулись к рудничному поселку груженные мукой и картофелем подводы; и господин фон-Шейдер, главный директор рудников фирмы «Бергшадт», злобно считал их из окна своего кабинета.

Время шло. Несмотря на помощь фербастующих подходов к концу.

На двадцать девятый день дирекция предъявила стачечному комитету ультиматум — или в трехдневный срок возобновляются работы в шахтах, или рудник будет закрыт на год.

Над Либкехст — символ борьбы миллионов пролетариев

И в тот же вечер пришли сведения о причинах такой решимости администрации: фирма «Бергшадт» объявила в соседнем Дрюбеке, на своих громадных плавильных заводах, о понижении на 10% заработной платы для покрытия убытков от перехода на заграничный уголь.

Когда старик Исмаи сообщил об этом экстренному заседанию комитета, шахтеры молча опустили головы.

Забастовка была обречена. Одинокие голоса молодежи пытались еще подбодрить комитет к продолжению борьбы. Но остальные подавленно молчали, не отзываясь и не возражая.

И было ясно, что ультиматум господина фон-Шнейдера будет принят раньше, чем придет его «три дня терпения». Но кто-то спросил о причинах отсутствия Клебера.

Его в самом деле не было. Худое лицо Кранца повернулось к спросившему, и надтреснутый голос ответил, что Ганса нигде не видели с утра. Снова нависло молчаливое безмолвие.

Потом медленно, не глядя в глаза друг другу, шахтеры стали расходиться. Никто не сомневался, что забастовка доживает свои последние часы.

А Ганс Клебер, где он был в эти минуты?

Протяжно завыл паровой свисток.

Из продырявленных, закопченных корпусов черно-синими лентами потянулись к выходным воротам толпы рабочих.

И первые ряды их, торжественно выходя на гладкое шоссе, остановились в изумлении.

На куче бревен стоял высокий запялый человек в развевающейся на ветру блузе.

От страши, который держал в руках этот страшный человек, ветер оттягивал в сторону огромный кусок полотна. На полотне ясно читались начерченные простым углем слова:

«Братья, вы предатели углекопов».

Медленно и властно человек у шести поднята свободной рукой нагнетел новый ряд, выходящий из чугунных ворот. Толпа дрогнула и заколыхалась. Кто-то замахал на рабочих руками, словно предостерегая их и пугая чем-то. Со двора доносились тревожные свистки.

Но рабочая гуща уже плотным кольцом притиснулась к бревнам.

Тогда, попрернутому крепко держа шест, Ганс Клебер заговорил.

По шоссе в густом облаке пыли мчался автомобиль. Господин фон-Шнейдер, выванный по телефону директором плавильных заводов, спешил на помощь своему коллеге. Сидяком за ним, грузно покачиваясь на поворотах высоким кузовом, шел грузовик с отрядом полиции.

Не дожидаясь до ворот, автомобили остановились почти вплотную к задним рядам толпы. Но их никто почти не замечал. Сквозь нарастающий шум отчетливо доносился к воротам голос Клебера.

Он звал к борьбе и солидарности, клеймил позором предателей, кричал с гневом и болью о годовых, победленных рудоклопах, и протянутая рука его трогала каменным стенам еще дымившего трубами завода. Гулом отвечала ему толпа, а под самым шестом, под его полотнищем с черными буквами откуда-то вырос красный квадратный флаг.

Фон-Шнейдер с ненавистью смотрел через бушующее море голов на кричащего в лицо ветру человека с шестом.

..Опять он... опять этот Клебер..

Овладев собой, он обернулся к полицейским. Обер-шумман выслаушал его торопливные слова, затем отряд выстроился попарно и исчез в гудящей толпе, пробиравая дорогу к человеку у шеста.

Но уже в середине пути толпа поныла их намерение, — под угрозы, крики и взмахи кулаков — полицейские были отшеснены и выкинуты назад, к автомобилям.

Впереди же, на гряде бревен, рядом с Клебером стояло уже несколько рабочих, вместе с ним звавших толпу.

Теперь гудела вся толпа. И вдруг стала стихать. На руках окружающих его рабочих Ганс Клебер поднялся над толпой еще выше, так что в самых последних рядах его видели до пояса, и поднятой рукой требовал тишины. Шум остановился. Стоявший теперь на его месте седой рабочий снял кепи, и жест этот был торжественным и призывным.

Осенний ветер далеко разносил негромкий старческий голос. Усылились все. Сплошная стена поднятых рук отставила старика. Тогда Ганс Клебер, широким движением, сорвав с шеста полотно, далеко отбросил его вниз, за бревна, и в руке его взвился над толпой красный флаг.

Забастовка на Дрюбских плавильных заводах была объявлена «явочным порядком».

Директорский автомобиль как-то боком, словно в бор, пробрался по краю шоссе, к голоде колонны.

Лицо господина фон-Шнейдера бледным пятном выделялось на черной кожаной спине машины. Прирученные глаза его искали кого-то в толпе.

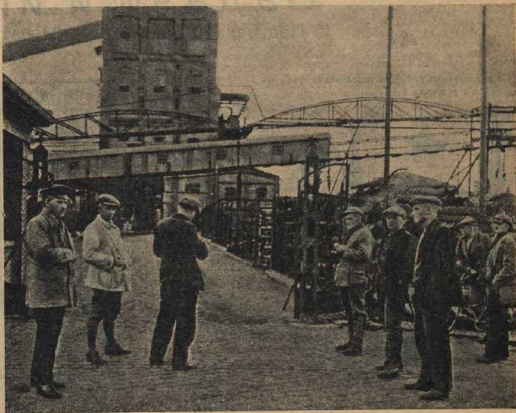
Порывившись с передним рядом, шофер вывел машину вперед, на середину шоссе.

Прямо в лицо фон-Шнейдеру сплотно и смято смотрели глаза Ганса Клебера.

Кривя щеки в презрительную гримасу, господин директор медленно проецился:

— Мы раздавим... и эту забастовку... вместе с вами... А вы, Клебер, этот фокус не пройдет даром... По закону...

Не давая ему докончить, Клебер громко крикнул, делая шаг к автомобилю:

Рабочие пикеты охраняют входы на территорию заставы

— Мы поднимем тогда тысячу новых заставок по всей Германии, господа!

Германские «нацистские» студенчество демонстрирует свою «верность отечеству». Полицейская сущность организации плохо скрывается маскарadiostностью одежд и торжественностью парадов

директор!.. И красный флаг будет в концевочном не только на этой палке, но и в кабинете господина директора.

Дружное рабочее «ура» покрывало его слова.

Желтые зрачки фон-Шнейдера застыли.

И тогда короткий треск рванул воздух. Ганс покачулся и, как подкошенный, грузно и медленно повалился назад.

Развивая сумасшедшую скорость, автомобиль уносил к городу толстого, бледного от безвеста человека.

СЧЕТ ОБИЖЕННОЙ ТАМАРЫ

Очерк М. РОЗЕНФЕЛД

История, описываемая нами, очень и очень проста. Герои вечерней прогулки настолько обыкновенные личности, что, право, не стоит упоминать их фамилий и названия той местности, где протекали часы первой и последней встречи фабзайца Григория с юной дочкой железнодорожника Тамарой.

Впрочем, то, что случилось с нашей парой, конечно вместе, пожалуй, не будет сорока лет, могло закончиться в мире и благополучии (в большинстве случаев так и заканчивается). Если бы... если бы Тамара не подала счет.

«Прошу суд заставить уплатить гражданина Григория 10 р. 50 к., чтобы он в следующий раз не пытался вводить имущество наших девушек. Во-первых: 5 р. 50 к. за изорванную кофточку. Во-вторых: 2 р. за проспанную из редикюла пудру и 2 носовых платка. В-третьих: 1 рубль за выпавший из редикюла 1 рубль денег, и еще 2 рубля за две фотографические карточки плюс разбитый в редикюле пузырек известных духов «Гурандот». Нахалов надо поставить на место. Пусть расплачиваются».

Услыхав о том, что Тамара подала суду счет, Григорий пришел в сильное возмущение. Он негодовал. Каждый, в руки которого попал подобный счет, мог чорт знает что подумать про невинного Григория. Не хулиган ли он? Не вор ли он, вырвавший из рук бессильной девушки редикюль? Словом счетом необдуманная Тамара могла бросить зловещную тень на светлую личность фабзайца, между тем как последний ничего предсудительного, по его мнению и не делал.

...В воскресенье, утром Григорий, поднявшись на два часа позднее, чем обычно,

венно, повязал шею искристым самовязом, нацистил ботинки, пересчитал в кошельке заветные три рубля и отправился на прогулку. После обеда празднично настроенный юноша устремился на досчатую платформу станции, как вдруг по дороге встретил веселую компанию друзей.

— Знакомьтесь,—представили ему красноречиво, кокетливо Тамару.

Григорий решительно потряс руку новой знакомой, и они уже вместе отправились к платформе. А там сложнялись враз и вперед толпы гуляющих, с треском сыпавших на истоптанные доски дождь подосаунов, у кассы задорно хрипела гармонь, визжали от шутки и легкомысленных намеков девушки.

Григорий принялся делать то, что делал все; он заставлял хохотать свою спутницу, щедрой рукой сыпал на ее ладошку семечки и даже сбегал в буфет за шоколадом. Тамара все больше и больше приходила в восторг от своего ухажера. Уже стемнело, толпа разбрелась, в темноту деревья скрывались пары, и Григорий (он делал все то, что делали другие) пригласил знакомую в кино. Но Тамара не согласилась. «Роковую метель она уже видела, притом кино так далеко, и глухая дорога. Григорий настаивал: такую картину следует посмотреть несколько раз, чтобы усилить ее драгоценный смысл, кино уже не так далеко, и что значит глухая дорога для того, кто шествует под его охраной? И они пошли».

Кокетливо ухмыляясь, Тамара слушала речи храброго спутника о любви, о предразсудках; разговор ей нравился, такие речи она слышала неоднократно — всегда при всех прогулках говорил одно и то же.

Когда парочка миновала версту и дорогу свернула в перелесок, Григорий

остановился и грубо схватил Тамару за руку.

Очень просто, он требовал «настоящего» конца прогулки, и лишь последнего отказ, как Григорий должен был обидеться. Но Григорий не таков и не первый раз он угодает шоколадом и ведет знакомых в кино. Григорий пошел в другую сторону, незаметно оборачиваясь назад. Но неблагоприятная Тамара, севшая шоколад и по всей вероятности успокоившаяся на этом, хладнокровнейшим образом продолжала путь. Тогда Григорий вышел из себя. Черная неблагоприятность возмущала и потрясла его до глубины души. Он нагнал Тамару. Оглянувшись по сторонам и убедившись в том, что кругом нет никого, фабзайц накинулся на Тамару, возможные вопли он предупредил носовыми платками. Случайные прохожие мешают коншу «обыкновенной» прогулки и «обыкновенному»... насилую.

Для обоих героев было неожиданно, когда суд заговорил о попытке изнасилования. Григорий ушел ошарашенный из судейского зала, избегнув только благодаря амнистии годичного лишения свободы.

Он был справедливо обижен. Сколько тысяч его сверстников благополучно кончают хождение в кино, сколько тысяч девушек не подают счетов за проспанную пудру и изорванную кофточку...

Сколько тысяч людей, в летние вечера провозжаа взорами удаляющихся в темноту перелесков парочек, и в мыслях не предполагают о каком-либо преступлении — обыкновенно в таких случаях окружающие говорят о юности и весе.

Задачи и игры

Под редакцией Л. Е. РУБИНШТЕЙНА

№ 1. Задача

Из прилагаемых рисунков составить силуэт красноармейца с ружьем.

№ 2. Загадка

Какие два яла и две буквы составляют город на Урале и в Сибири.

№ 3. Задача

К	Ю	С	Л	М	Н	Я	Н
А	Б	О	Т	В	Е	М	А
С	С	Л	Т	Ы	Е	И	И
П	Л	Э	С	Т	У	Р	В
К	Э	К	Н	Л	Е	Ц	Н
В	И	А	Е	И	Р	О	Т
Т	С	М	Е	Й	Б	Ф	А
З	Я	О	Т	И	К	С	С

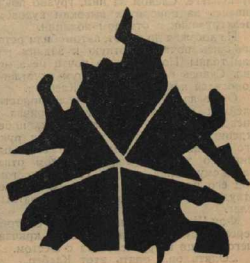
Ход коня.

№ 4. Вуриме

К прилагаемым рифмам напечатать четверостишие. Наиболее удачные будут напечатаны. угадан. хлестко. пьши. перекрестком.

№ 5. Задача

Совсем случайно я сделал эти клеем, разлил чернила. Я дал им высохнуть, затем вырезал и сложил из них звезду с серпом и молотом. Предлагаю вырезать эти клеем и составить подобную звезду.

ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. Слонима

А. Алехин

Х. Капабланка

ШАХМАТНЫЕ КОРОЛИ

Первыми некоронованными шахматными королями были Андерс, обесмертивший себя своей шахматной «бессмертной» партией, и блестящий Морфи, создавший свой особый комбинационный стиль игры и вокруг имени которого сложились первые легенды.

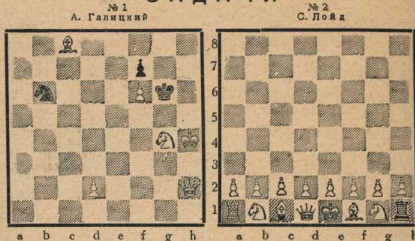
Официальное звание чемпиона мира (champion of the World) было присвоено гениальному Стейнцу в 1886 году, после его победы над американцем Пуэрто-Риком. Фактически, конечно, Стейнц был уже сильнейшим шахматистом с 1868 г., когда победил в матче Андерсена. В ряде последующих матчей с Блэкберном, Чигориним, Гунзбургом Стейнц оказывается необходимым и только в 1894 году терпит аванс чемпиона мира, которое переходит к победившему его в матче Э. Ласкеру. Страшная судьба свисает над выдающегося шахматиста-мыслителя с его предшественником В. Стейнцем. Почти одно и то же количество серьезных матчей, одно и то же количество лет «царствования» (28). Ласкер блестяще

поддерживает свое аванс, выиграв матчи у Маршалли, Тарриша, Яновского, Шлахтера и др., и только в 1921 г. терпит свое аванс, проиграв матч Капабланке, с трагичным счетом $+6 = 10$.

Капабланка казался идеальным «королем»: его монументальный стиль казался несокрушимым, и знатоки не находили ему конкурентов среди современных шахматистов. Тем более неожиданным оказался проигрыш им первого же матча в 1921 г. Алехину, игроку с исключительно обостренной шахматной психологией, блестящий комбинационный стиль которого сочетался с прекрасным пониманием позиции.

Новому чемпиону мира Алехину предстоят в ближайшие годы серьезные бои. Несомненно ждет реванш Капабланка, полагаясь на восстановление утерянной короны и Ласкера. А самым опасным из новых шахматистов мы считаем Нимцовича, блестящие турнирные успехи которого свидетельствуют о недюжинной силе.

ЗАДАЧИ

Мат в 2 хода

Куда надо поставить черного короля, чтобы белые могли дать ему мат в 3 хода?

Фамилии т.т., приславших правильное решение, будут напечатаны.

ПОЧЕМУ НАДО ИЗУЧАТЬ ТЕОРИЮ?

Мало хорошо комбинировать, уметь пользоваться слабыми ходами противника, ошеломить в игре своего противника неожиданной жертвой — все это не делает хорошего шахматиста. При встрече с классным шахматистом, знакомым теорией, вы непременно потерпите поражение. Только изучение теории игры, отдельных частей игры — дебютов, середины ставки игры и «эндшпиля» — дает шахматисту тот фундамент, при котором вопли природные способности получают возможность полнокровного развития.

Дебюты (начало партии), хотя бы основаны, анал. необходимо. Нужно знать основные принципы, воплощенные в начальном развитии партии, нужно знать почему ход е2—е4 хорош, а е2—е3 или d2—d3 — плох. Нужно знать, хотя бы в общих чертах, принципы дебютов: партии испанскую, итальянскую, ферзевую дебют, начало Рети, вариант Алехина. Без знания всего этого вы уже к 10 ходу будете иметь значительно худшую партию, если ваш противник, конечно, знаком с теорией.

Необходимо изучать основные элементы эндшпиля (конца партии). Нужно уметь матовать двумя слонами, слоним и конем, ладью и королем, нужно уметь выигрывать, имея лишнюю пешку, нужно знать принципы оппозиции, принципы развязывания выигранных концов. Без знания этого вы рискуете не суметь выиграть доведенную до выигрыша партию, и наоборот: проиграть партию, которую при правильной игре должна была бы кончиться ничью.

Нужно знать и принципы развязывания середины игры, — когда атаковать, когда защищаться, анализ тактики игры, — тогда будет сказано много своих партий.

Только зная теорию, владея верными принципами игры, может совершенствоваться и расти шахматист. Иначе он навсегда останется посредственным игроком. Нет гениальных скрячек-самучек. Скрячка только тогда начинает хорошо играть, когда ему преподаватель даст известную школу. В шахматах положение такое же.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

„СМЕЖА“

№ 1 Январь 1928 год

СОДЕРЖАНИЕ: В ПАРТИЮ ЛЕНИНА! И. ИПОЛИТ — Мелешкин Карл. КОМСОМОЛ. ФОТО. И. САРКИЗОВ СЕРАЗИНИ — Потомок венецианского дожа (роман приключений). Развитием советской снук (остров Вранскля и Сахалин). ДЖОН РИД — История моих (роман). А. КАРПЕВ — Человек со знаменем (очерк). М. РОЗЕНФЕЛЬД — Счет обожженной Тамары («Молодежь на суде»). ЗАДАЧИ и ИГРЫ — под редакц. Л. РУБИНШТЕЙНА. ШАХМАТЫ — под редакц. С. СЛОНИМА. Иллюстрации А. БРЕЯ и А. ДЕЙНЕКА.

Э. Ласкер

В. Стейнц

Ответственный редактор Г. ЯРЦЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Москва, центр, Новая пл., д. 6

ЧИТАЙТЕ И ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

Романы, повести, рассказы.—Путешествия и приключения.—Жизнь и быт молодежи.—Фото-хроника.—Новости науки и техники.—Шахматы.

Подписная цена на журнал „СМЕНА“ в 1928 году снижена на 50%. Цена отдельного номера в розничной продаже вместо прежних 20 к. только 10 к. В 1928 году журнал „СМЕНА“ будет выходить в реорганизованном виде и измененном формате и даст на своих страницах

ДВА БОЛЬШИХ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИХ РОМАНА ОДИН БОЛЬШОЙ РОМАН ИЗ БЫТА МОЛОДЕЖИ

Повести и рассказы лучших современных русских и иностранных писателей. Стихи А. Безмясменского, А. Жарова, М. Светлова, И. Уткина и других лучших комсомольских поэтов. Путешествия и приключения на суше, на море и в воздухе (повести, рассказы, очерки). Жизнь и быт молодежи—постоянное обсуждение вопросов быта молодежи при активном участии читателей и борьба за новую культуру среди молодежи. Молодежь на суде—важнейшие судебные процессы и связанные с ними вопросы. Новости науки и техники—открытия, изобретения, достижения в области науки и техники в СССР и за границей. Фото-хроника ознакомит читателей с важнейшими политическими событиями, современной жизнью Советского Союза и стран капитализма, работой комсомола и жизнью и бытом молодежи СССР. Физкультура, борьба за здоровую молодежь. Шахматы, пашки, загадки, фокусы. Турнир читателей-шахматистов по переписке. Конкурсы задач. Театр и кино. Юмор. Что читать читателям „СМЕНИ“.

БОЛЬШАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛОТЕРЕЯ!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

На 1 год 1 руб. 80 к. на 3 мес. — руб. 50 к.
„ 6 мес. — „ 95 „ „ 1 „ — „ 18 „

Розничная цена отдельного номера 10 коп.

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Для годовых подписчиков, при непосредственном обращении в Главную Контору и при условии сдачи подписки не позже 15 января, книга Б. Кальпуса—Физкультура для всех. С 46 рисунками (цена в отд. продаже 75 к.).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписчикам на срок не менее 3 месяцев предоставляется право получить за особую плату по значительно пониженным ценам

БИБЛИОТЕКУ ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ И НА МОРЕ—из 10 книг:

Адаис, А. и Сергеев, И.—Абжед-Хевез-Хюти. Роман приключений. В переплете. Ц. 1 р. 90 к. Беляев, В.—Радио-жизнь. Ц. 35 к. Кольчугин, А.—Сокровища победоюй Армады. Роман. Ц. 1 р. 50 к. Каринцев, Н.—Тайна двух материков. Приключения в Африке и в Азии. С 24 рисунками. Ц. 1 р. 50 к. Леман, Трагоут.—Белая чума. Роман из жизни современной Германии. Ц. 1 р. 35 к. Окунов, Я.—Катастрофа. Социально-сатирическая повесть. Ц. 90 к. Стонов, Д.—Полянский дни. Повесть. Ц. 1 р. Тулуз, Жан.—Человек, который украл Гольфштрем. Роман. Ц. 90 к. Тулуз, Жан.—Разбуживший вулканы. Роман. Ц. 1 р. 25 к. Шипко, А.—Аппетит микробов. Роман. Ц. 1 р. 50 к.

Цена всей библиотеки для подписчиков—7 р. 50 к. вместо 13 р. 15 к. в отдельной продаже.

БИБЛИОТЕКУ КОМСОМОЛЬСКИХ ПОЭТОВ (новые книжки стихов)—из 5 книг:

Голодный, М.—Земное. Ц. 90 к. Малахов, С.—Песни у перевода. Ц. 60 к. Молчанов, И.—Огонь. Ц. 1 р. 25 к. Светлов, М.—Ночные встречи. Ц. 1 р. Ушаков, Н.—Весна республики. Ц. 1 р.

Цена всей библиотеки для подписчиков—2 р. 50 к. вместо 4 р. 75 к. в отдельной продаже.

БИБЛИОТЕКА ТУРИСТА—из 2 книг:

Первая книга туриста. С 64 рисунками и 5 картами. В папке. Ц. 1 р. 65 к. Бергман, Г.—Отдых летом. С иллюстрациями. Ц. 50 к.

Цена всей библиотеки для подписчиков—1 р. 10 к. вместо 2 р. 05 к. в отдельной продаже.

МОЛОДОСТЬ—литературно-художественный альманах группы писателей „Молодая Гвардия“. В папке.

Цена для подписчиков—1 р. 20 к. вместо 2 р. 25 к. в отдельной продаже.

ПОДПИСКУ И ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: В Главную Контору Периодических Изданий Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“—Москва, центр, Новая площадь, 6.